
МАЙЯ НУР
МОРОЗОВСК
MSKU
769 753 0
22G1
MAX.GR. 30.480 KGS 67.200 LBS
GROSS 30.480 KGS 67.200 LBS
TARE 2.200 KGS 4.850 LBS
NET 28.280 KGS 62.350 LBS
CU.CAP. 33.2 CUM. 1.170 CU.FT.
ТАМОЖНЯ
РОССИЯ
КОНТРАБАНДА
НЕ ВСЕ ГРУЗЫ МОЖНО ВЗВЕСИТЬ.
НЕКОТОРЫЕ ХОТЯТ ВЫРВАТЬСЯ НА СВОБОДУ.
ДЕКЛАРАЦИЯ

Майя Нур

Контрабанда. Я нашла оборотня!

«Автор»
2026

Нур М.

Контрабанда. Я нашла оборотня! / М. Нур — «Автор», 2026

Обычная проверка контейнера должна была стать ещё одним рабочим днём. Вместо этого я нашла связанного оборотня.Теперь на меня объявили охоту контрабандисты, скрывающие существование магического мира. За каждым контейнером может скрываться чудовище, за каждым документом новая ложь, а единственный мужчина, которому я начинаю доверять, сам хранит слишком много тайн.Чтобы остановить тех, кто торгует живыми существами, мне придётся рискнуть карьерой, свободой... и собственным сердцем.

© Нур М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Майя Нур
Контрабанда. Я нашла оборотня!

Глава 1

Ветер с моря в Морозовске не утихал даже в те редкие дни, когда небо очищалось от низких серых туч и солнце успевало показаться над портовыми кранами прежде, чем снова скрыться за грузовыми терминалами; он просто менял характер, становясь то колючим и резким, налетающим порывами с залива, то ровным и тяжёлым, будто сама вода решила переселиться в воздух и дышать им вместо людей. Ярина Снегирёва давно перестала замечать этот ветер так, как замечают его приезжие — щурясь, кутаясь, проклиная погоду северного города, — для неё он был просто фоном, частью смены, такой же неизбежной деталью рабочего дня, как гул контейнеровозных кранов или запах мазута и мороженой рыбы, въевшийся в стены таможенного терминала настолько прочно, что его, кажется, можно было унюхать даже на похоронах, случись им проходить рядом с портом. Она работала здесь шесть лет, с того самого дня, как формально заняла место своего отца — не по протекции, как шептались некоторые из старых портовых, а потому что действительно знала эту работу лучше многих, кто отслужил вдвое дольше, и потому что для неё досмотр грузов давно превратился не в обязанность, а в своего рода азарт: каждая декларация была текстом, который нужно было прочитать внимательнее, чем хотел автор, каждая несостыковка в весе, маркировке или происхождении груза — следом, который вёл к чему-то, что кто-то очень не хотел показывать.

В тот вечер, когда смена уже клонилась к концу и в терминале оставалось не больше десятка человек, считая охрану на воротах и диспетчера, не отрывавшего взгляда от трёх мониторов сразу, Ярина листала очередную партию накладных на груз, прибывший с траулера, формально зарегистрированного как рыболовецкое судно из соседнего региона. Большая часть документов выглядела безупречно — слишком безупречно, если честно, для судна такого возраста и такой потрёпанной репутации, какая тянулась за ним по записям последних трёх лет; именно эта стерильная правильность бумаг и заставила её задержаться на одной строке дольше, чем требовалось для рутинной проверки: вес контейнера номер семь, заявленный как партия мороженой трески, расходился с весом, зафиксированным портовыми весами при разгрузке, на величину, которую невозможно было списать ни на погрешность приборов, ни на испарение влаги при заморозке, ни на любую другую из дюжины правдоподобных причин, которыми обычно прикрывались подобные нестыковки. Расхождение было слишком ровным, слишком похожим на то, что внутри спрятано нечто, занимающее объём, но почти не добавляющее веса — а такого, по опыту Ярины, попросту не существовало среди легальных морских грузов, циркулирующих через Морозовск.

Она могла бы, разумеется, просто внести замечание в систему и передать дело старшему смены — так предписывал протокол, и так поступило бы девяносто процентов сотрудников терминала, особенно в час, когда смена заканчивалась и впереди маячил долгий путь домой по продуваемой ветром набережной. Но Ярина давно знала за собой эту черту характера, унаследованную, по словам матери, именно от отца: неспособность отпустить вопрос, на который у неё нет ответа, даже если правильнее и безопаснее было бы сделать вид, что вопроса не существует. Она сверилась с журналом размещения, выяснила, что контейнер номер семь всё ещё стоит на дальней площадке терминала, ожидая утренней отгрузки на склад временного хранения, и, прежде чем здравый смысл успел напомнить ей о правилах, регламентирующих самостоятельный вскрытие груза без присутствия второго сотрудника и представителя пере-

возчика, она уже шла через продуваемую ветром площадку с фонариком и универсальным ключом, мысленно убеждая себя, что просто проверит маркировку пломбы — ничего больше.

Пломба на контейнере оказалась настоящей, не подделанной и не повреждённой, что само по себе было странно: если внутри пряталось что-то незаконное, логичнее было бы ожидать следов вскрытия после погрузки, а не безупречно целую печать, словно контейнер действительно был запломбирован именно с тем содержимым, которое значилось в декларации. Это должно было её остановить — пломба была формальным доказательством того, что груз соответствует документам, и любой суд или служебная проверка приняли бы её аргументом в пользу закрытия вопроса, — но запах, просочившийся сквозь щель в дверях контейнера в тот момент, когда она наклонилась рассмотреть номер пломбы поближе, заставил её замереть на месте куда сильнее, чем любая нестыковка в бумагах: это не был запах мороженой рыбы, аммиака или машинного масла, привычных спутников портового груза, а что-то почти животное, тёплое даже на ледяном ветру, смешанное с металлическим привкусом, который она не сумела бы назвать иначе как кровью, хотя в следующую секунду уговаривала себя, что воображение разыгралось от усталости и темноты.

Решение вскрыть пломбу далось ей не так легко, как могло показаться постороннему наблюдателю: она простояла перед дверями контейнера почти минуту, взвешивая последствия — выговор, возможное увольнение, ответственность за порчу опечатанного груза, если внутри окажется действительно просто рыба с особенно резким запахом из-за нарушения температурного режима, — но в итоге пальцы сами потянулись к универсальному ключу, и металлическая печать со щелчком разошлась пополам прежде, чем разум успел в последний раз попытаться её остановить. Двери поддались с тяжёлым скрипом несмазанных петель, и луч фонарика, скользнувший внутрь, на мгновение выхватил ряды картонных коробок с маркировкой рыбной компании, выстроенных вдоль стен с той же показной аккуратностью, что и документы, — а затем свет упал на дальнюю часть контейнера, и Ярина поняла, что запах крови ей не почудился.

В глубине, за двойным рядом коробок, очевидно расставленных так, чтобы при беглом осмотре скрыть пространство позади себя, на полу лежал человек — связанный, с кляпом во рту, в одежде, изорванной так, словно её владелец прошёл через что-то значительно более жестокое, чем обычное похищение, и с открытыми глазами, которые в свете фонарика блеснули не так, как должны были блеснуть человеческие глаза в темноте: на долю секунды, прежде чем Ярина успела убедить себя, что это просто отражение, ей показалось, что зрачки незнакомца отливали не привычным человеку красноватым бликом, а холодным, почти жёлтым светом, какой она видела разве что у животных, попавших в свет фар на ночной трассе. Первым её движением было потянуться к рации на поясе, чтобы вызвать охрану и медиков, — стандартная, единственно разумная реакция на находку связанного человека в контрабандном грузе, — но пальцы замерли на кнопке вызова в тот момент, когда незнакомец, заметив свет и её фигуру в дверях, дёрнулся всем телом с такой силой, что верёвки, стягивавшие его запястья, протестующе заскрипели, а в глазах, теперь уже несомненно отливавших нечеловеческим жёлтым светом, мелькнуло выражение не столько мольбы о помощи, сколько отчаянного, почти звериного предупреждения — будто он пытался без слов сказать ей: не зови никого, ты не знаешь, что делаешь.

Ярина так и осталась стоять в дверях контейнера, не убирая руку с рации, но и не нажимая кнопку, пока её разум лихорадочно перебирал варианты объяснений происходящему — игра света, контактные линзы, последствия побоев и обезвоживания, способные исказить восприятие как у жертвы, так и у наблюдателя в темноте портового склада, — и ни одно из этих объяснений не казалось ей убедительным настолько, чтобы заставить руку нажать на кнопку вызова охраны, как того требовал любой протокол и здравый смысл, выработанный шестью годами службы в порту. Вместо этого она медленно опустилась на корточки рядом с лежащим, стараясь не делать резких движений, которые могли бы напугать его ещё больше, и, отложив

фонарик так, чтобы свет не бил незнакомцу прямо в глаза, потянулась к кляпу во рту — решение, которое полностью противоречило всему, чему её учили на инструктажах по безопасности при обнаружении нелегальных грузов с людьми внутри, но которое в тот момент казалось ей единственно возможным, потому что что-то в выражении этих странных, нечеловеческих глаз убедило её сильнее любых должностных инструкций: перед ней не преступник и не товар, а кто-то, кого предали, и от того, что она сделает в следующие несколько секунд, зависит куда больше, чем просто судьба одной таможенной проверки.

Глава 2

Вынуть кляп оказалось куда проще, чем Ярина ожидала, — узел на затылке незнакомца поддался при первом же рывке, и тяжёлое, хриплое дыхание, вырвавшееся следом, прозвучало в тишине контейнера почти оглушительно после долгих минут вынужденного молчания, в течение которых он, судя по всему, не позволял себе даже застонать, чтобы не выдать своего присутствия случайным прохожим у причала.

— Убери фонарь, — прохрипел он, морщась. — Если хочешь помочь, не свети мне в лицо.

Ярина, всё ещё пытаясь осмыслить происходящее, послушно отвела луч в сторону, хотя любой здравомыслящий человек на её месте задался бы вопросом, почему вообще выполняет указания связанного незнакомца, найденного в контрабандном грузе при обстоятельствах, не оставляющих сомнений в его непростом положении.

Развязывая верёвки на его запястьях — узлы оказались профессиональными, явно вязаными человеком, знавшим толк в том, чтобы удерживать кого-то значительно более сильного, чем выглядел измождённый пленник перед ней, — она успела заметить, что кожа на его руках местами покрыта не обычными синяками от верёвки, а тёмными, почти чешуйчатыми пятнами, исчезающими прямо на глазах, будто рассасывающимися с неестественной для человеческого организма скоростью, и это зрелище, куда более красноречивое, чем странный цвет глаз, окончательно лишило её возможности убедить себя в рациональном объяснении увиденного.

Её руки при этом оставались совершенно спокойными — она заметила это со странным отстранённым удивлением, пока возилась с последним узлом, — не дрожали, не запинались на петлях, двигались ровно так, как двигаются руки человека, выполняющего понятную механическую задачу, хотя ни одна из предшествующих задач в её жизни не выглядела менее понятной, чем эта. Где-то в голове, под слоем немедленного и почти профессионального сосредоточения на том, что происходит прямо сейчас, уже копилось то, с чем ей предстояло разбираться позже, — когда она выйдет из этого контейнера и окажется наедине с тем фактом, что мир, в котором она работала шесть лет и который она считала знала достаточно, только что показал ей изнанку, о существовании которой она не подозревала. Но это было потом, а сейчас перед ней был человек с заживающими на глазах синяками, и у неё не было ни секунды на экзистенциальный кризис.

Освободившись, незнакомец не бросился к выходу и не попытался напасть на неё, чего она, признаться, подсознательно ожидала и к чему успела внутренне подготовиться, нащупав свободной рукой рукоять служебного фонарика как единственное доступное оружие; вместо этого он медленно, с явным трудом, сел, привалившись спиной к стенке контейнера, и несколько долгих секунд просто разглядывал её — не с угрозой, а с настороженным, почти болезненным изучением человека, пытающегося понять, насколько велика ловушка, в которую он, возможно, попал во второй раз за этот вечер.

— Кто ты? — наконец спросил он сорванным голосом. Его взгляд не дрогнул. — И сколько людей знают, что ты открыла этот контейнер?

— Пока только я, — ответила Ярина после короткой паузы. — Если бы здесь был кто-то ещё, мы бы сейчас не разговаривали.

— Не торопись с выводами, — сухо бросил он. — Иногда разговор и есть начало больших неприятностей.

Его тон больше напоминал допрос, чем благодарность спасённого, и Ярина, вместо того чтобы оскорбиться подобной неблагодарностью, поймала себя на мысли, что его недоверие

выглядит куда более осмысленным, чем её собственная безрассудная готовность помочь незнакомцу, чья природа явно выходила за рамки всего, что она прежде считала возможным.

Объяснять происходящее в темноте контейнера, рискуя в любую минуту привлечь внимание ночного обхода охраны, было неразумно, и Ярина, неожиданно для самой себя перейдя от шокированного наблюдателя к человеку, действующему по плану, которого она ещё минуту назад не имела, тихо сказала:

— Через старый рыбный склад есть служебный проход. Им давно никто не пользуется. Выведу тебя оттуда. Всё остальное обсудим позже, когда уберёмся отсюда.

Незнакомец долго молчал, явно взвешивая, не является ли это предложение очередной ловушкой более изощрённого толка, чем контейнер с двойным дном.

— Слишком складно звучит, — наконец произнёс он, не сводя с неё глаз. — Но если ты хотела меня сдать, уже позвала бы охрану.

Он коротко кивнул.

— Ладно. Веди.

С трудом поднявшись на ноги, он покачнулся настолько сильно, что ей пришлось подставить плечо, чтобы он не упал обратно на ящики с маркировкой рыбной компании, — и в этом коротком, вынужденном физическом контакте она впервые ощутила, насколько неестественно горячей была его кожа даже сквозь рваную ткань рукава, словно температура его тела была настроена на совершенно иную, нечеловеческую норму.

Путь от контейнера до старого рыбного склада, заброшенного ещё до того, как Ярина начала работать в порту, занял не больше десяти минут, но эти десять минут показались ей растянутыми на целую вечность: каждый скрип портового крана, каждый далёкий окрик с причала заставлял её сердце замирать в ожидании, что охрана вот-вот заметит их и потребует объяснений, которых у неё попросту не было, а незнакомец рядом, несмотря на явную слабость, двигался настороженно и бесшумно, будто инстинкт самосохранения, отточенный годами, заставлял его автоматически выбирать путь вдоль теней, даже когда тело отказывалось ему подчиняться в полную силу.

Один раз они остановились — за штабелем контейнеров, когда в ста метрах от них появился охранник с фонариком, — и Ярина почувствовала, что незнакомец рядом полностью перестал двигаться, не просто замер, как замирает человек, а именно перестал — убрал дыхание, убрал случайные микродвижения, стал частью тени так, как живое существо в принципе не должно уметь становиться. Охранник прошёл мимо, не повернув головы, и Ярина не была уверена, было ли это удачей или чем-то ещё.

Внутри склада, среди ржавых остовов старого рыбоперерабатывающего оборудования и стойкого запаха гниющей соли, въевшегося в бетонные стены за десятилетия, он наконец опустился на перевёрнутый деревянный ящик и, впервые за всё это время, позволил себе по-настоящему выдохнуть, как человек, осознавший, что непосредственная опасность хотя бы на время миновала. Склад был устроен так, что луч фонарика, направленный в пол, не был виден снаружи ни с одной из сторон — это Ярина знала, потому что несколько лет назад проверяла здесь технические нормы для одного из запросов, и тогда это здание показалось ей просто ещё одной бесполезной единицей в реестре портового имущества, ожидающего решения об утилизации; теперь она была ему благодарна со степенью конкретности, которой прежде не испытывала ни к одному административному объекту.

Именно тогда, в скудном свете фонарика, поставленного на пол так, чтобы не выдать их случайному наблюдателю снаружи, Ярина впервые рассмотрела его лицо без спешки и страха, владевших ею у контейнера: резкие, почти хищные черты, тёмные волосы, слипшиеся от пота и грязи, и глаза, которые в спокойном состоянии выглядели почти обычными карими, но в которых временами, особенно когда он бросал быстрый настороженный взгляд в сторону входа,

на долю секунды вспыхивал тот самый нечеловеческий жёлтый отблеск, замеченный ею ещё в контейнере.

Она хотела спросить напрямую, что он такое, — вопрос, который ни один здравомыслящий человек шесть часов назад не задал бы вслух, не опасаясь немедленной госпитализации в психиатрическое отделение, — но вместо этого, повинуясь то ли остаткам профессиональной осторожности, то ли простому человеческому такту, спросила:

— Как тебя зовут?

Он не ответил сразу. Несколько секунд смотрел на неё так, будто прикидывал цену даже такой мелочи.

— Радим, — коротко сказал он.

— Ярина.

Он едва заметно кивнул.

Теперь они хотя бы знали, как обращаться друг к другу. Хотя вопросов всё ещё оставалось больше, чем ответов на них.

Глава 3

Имя он назвал, но ничего больше не добавил. Просто смотрел на неё из-под тёмных ресниц, явно ожидая следующего вопроса и заранее оценивая, насколько правдиво она собирается на него ответить.

— Ярина, — сказала она в ответ, хотя и не была уверена, что это имеет хоть какое-то значение в ситуации, которая час назад выглядела как рядовая нестыковка в грузовой декларации, а теперь всё больше напоминала что-то, для чего у неё попросту не было ни слов, ни рабочих категорий.

Она присела на соседний ящик, положила фонарик между ними.

— Я видела, как у тебя заживали руки. Не собираюсь делать вид, будто этого не было. Хватит уже. Здесь слишком многие годами делают вид, что ничего не замечают. Так через порт проходят странные грузы, так появляются контейнеры вроде того, из которого я тебя вытащила. Я не хочу становиться ещё одним человеком, который отворачивается.

Радим долго молчал. Он смотрел в сторону ржавых силуэтов старого оборудования с выражением человека, которому предложили что-то одновременно нужное и опасное, и который ещё не решил, перевешивает ли необходимость риск.

Когда он заговорил, то сделал это без предисловий и без той осторожной подготовки, которой Ярина, пожалуй, ожидала.

— Ты уже увидела слишком много, чтобы я продолжал врать. Я оборотень.

Он произнёс это тем же тоном, каким другой человек сказал бы: «Я рыбак» или «Я механик».

— Был хранителем стаи. Теперь стаи у меня нет. Один из своих продал меня. Человек, которому я доверял. Для тех, кто меня купил, я не был ни человеком, ни зверем. Просто дорогой товар.

Именно эта обыденность, с которой он назвал то, что должно было потрясти её до основания, подействовала на Ярину гораздо сильнее, чем любой драматический эффект: ей стало вдруг ясно, что для него это просто факт его существования, настолько привычный, что он давно разучился смотреть на него чужими глазами и удивляться тому, как на него реагируют.

Она несколько секунд молчала, давая себе время на то, что внутренне описала как «привести мозг в порядок», а затем спросила совершенно серьёзно:

— Куда тебя везли? И кто всё это организовал?

Радим ответил не сразу.

— Меня взяли три ночи назад. Во дворе собственного дома. Мешок на голову... потом укол. После него я перестал управлять собственной природой. Не мог обратиться. Не мог позвать своих. Вообще ничего не мог.

Он говорил скупо, выбирая слова с той экономностью человека, привыкшего не говорить лишнего даже тогда, когда опасности нет.

— Этот траулер шёл через Морозовск транзитом. Настоящий пункт назначения дальше, на материке. Трое суток морем. Там собирают закрытый аукцион.

Он усмехнулся без малейшей радости.

— Только продают там не картины и не драгоценности. Живых существ. Таких, как я. Таких, кого нельзя купить открыто ни за какие деньги.

Ярина слушала всё это, не перебивая, и в какой-то момент поймала себя на том, что перестала удивляться самому факту существования подобного аукциона: что-то в устройстве Морозовска, который она всю жизнь знала как город, где через порт идёт всё что угодно и где задавать лишние вопросы давно считается дурным тоном, делало это чудовищное предприятие

почти логичным следствием привычной портовой коррупции, просто вынесенной за пределы человеческого мира.

Пока он говорил, она смотрела на него и думала — с той частью сознания, которая всегда работала параллельно основному разговору и которую она про себя называла «фоновая проверка», — о том, каково это: знать о себе нечто настолько фундаментально отличающееся от большинства людей вокруг, что само слово для этого отличия звучит в устах постороннего как что-то из детской сказки, и тем не менее рассказывать об этом спокойно, без извинений и без пояснений того, что это значит в быту, в работе, в повседневном существовании среди людей, которые не знают и не должны знать. Она подумала, что у неё, вероятно, нет нужного воображения, чтобы это понять полностью, и что это, пожалуй, честная позиция — не притворяться, что понимает, а просто принять как данность, что данность шире, чем она думала до сегодняшнего вечера. Потом она подумала, что у неё сейчас нет времени на философию, и вернулась к практическому.

— Кто тебя предал? — тихо спросила она.

Лицо Радима едва заметно изменилось.

— Не спрашивай.

Он произнёс это без раздражения, но так твёрдо, что продолжать расспросы было бессмысленно.

Ярина не стала настаивать, потому что видела, как напрягается его лицо при этой теме: не от злости, а от чего-то более глубокого и болезненного, похожего на то чувство, которое она сама испытала несколько лет назад, обнаружив в документах отца свидетельства того, что он закрывал глаза на некоторые грузы в обмен на что-то, о чём она предпочла бы никогда не знать. Были вещи, которые не становятся легче от немедленного называния, и она это знала достаточно хорошо, чтобы не требовать называния от другого человека раньше, чем тот сам будет готов.

Вместо этого она спросила:

— То, что тебе вкололи... оно ещё действует?

Радим немного помолчал.

— Частично. К утру, может, отпустит. Или чуть позже.

Он криво усмехнулся.

— Сейчас я примерно настолько беспомощен, насколько вообще способен быть. Терпеть не могу это состояние.

После короткой паузы он добавил уже тише:

— И особенно не люблю зависеть от незнакомых людей.

В этом последнем признании сквозило что-то почти трогательное на фоне его общей колючей закрытости, и Ярина, прежде чем успела поймать себя на этой мысли, подумала, что он, вероятно, не привык просить о помощи вообще, ни при каких обстоятельствах, и что это качество она, пожалуй, понимала лучше, чем он мог предполагать.

Следующие несколько минут они провели в молчании, каждый думая о своём, пока Ярина наконец не сказала:

— Я не собираюсь тебя сдавать.

Радим медленно поднял на неё взгляд.

— Даже после всего, что услышала?

— Именно после того, что услышала. Да, я уже нарушила протокол. Вскрыла пломбу без свидетелей. Это тоже проблема. Но дело не в этом.

Она спокойно выдержала его взгляд.

— Если всё, что ты рассказал, правда, официальные структуры сейчас не выглядят союзниками ни для тебя, ни для меня.

Лёгкое движение его брови показало, что именно такой ответ он ожидал меньше всего.

Ярина дождалась, пока он обдумает её слова, и продолжила:

— Мне нужны твои знания. Я вообще не понимаю мир, который сегодня увидела. А тебе нужен человек, который знает порт изнутри. У меня есть доступ к грузовым декларациям, маршрутам судов, внутренним базам. Если хочешь найти тех, кто встречал этот груз здесь, одной силы тебе не хватит.

Она слегка пожала плечами.

— Поэтому предлагаю простую сделку. Временное сотрудничество.

Радим долго смотрел на неё. Его лицо оставалось почти неподвижным, но Ярина чувствовала, что внутри идёт борьба между привычкой никому не доверять и холодным пониманием, что одному ему теперь не справиться.

Наконец он коротко кивнул.

— Хорошо.

Помолчал и добавил с едва заметной тенью усмешки:

— Но если выяснится, что ты всё-таки безумная, виновата будешь сама.

— Договорились, — невольно улыбнулась Ярина. — Если выяснится, что безумная не я, а весь мир, предъявлять претензии уже будет некому.

Глава 4

Первую ночь Радим провёл в том же заброшенном складе, пока Ярина шла домой по набережной, ощущая странное раздвоение между привычным городом, который обступал её со всех сторон: фонари, запах моря, далёкий гул портовых кранов, работавших даже ночью, и тем, что она теперь знала об этом городе в дополнение ко всему прежнему знанию, нажитому за двадцать семь лет.

Морозовск не изменился ни на йоту за время её смены. Он был абсолютно тем же городом, в котором она выросла, ходила в школу у старого маяка, работала с отцом в порту летними практиками ещё студенткой таможенного факультета. Но что-то в том, как она теперь смотрела на его тёмные улицы, фасады домов, людей, изредка попадавшихся навстречу в поздний час, неуловимо сместилось, как смещается угол зрения после долгого пристального взгляда на одну точку: город был тот же, а слой поверх него другой, неизвестный, живущий по правилам, о которых она до сегодняшнего вечера не имела ни малейшего понятия.

Она думала о том, сколько раз проходила по этой набережной, не задумываясь о том, что находится за привычными фасадами, и о том, что это незнание, вероятно, не было случайным: город хорошо хранил свой второй слой, прятал его не в темноте и не в тайных местах, а прямо посреди видимого, среди фонарей, запаха мазута и голосов людей, расходящихся со смены. Она поймала себя на том, что рассматривает каждого прохожего с новым, непривычным вниманием, и одёрнула себя, потому что это был прямой путь к паранойе, а паранойя в её нынешней ситуации была роскошью, которую она не могла себе позволить.

Квартира встретила её тишиной и немытой посудой со вчерашнего ужина, и Ярина, не зажигая большого света, сидела на кухне с кружкой холодного чая, которую налила и забыла выпить, и некоторое время просто сидела с ней, ничего не делая, что для неё было событием само по себе, поскольку она не умела и не любила ничего не делать. Именно это неумение сейчас говорило ей кое-что о том, насколько сильно прошедший вечер вышел за пределы того, что её привычные механизмы справления умели обрабатывать в обычном темпе.

За окном кухни был Морозовск: фонари на набережной, далёкие огни портовых кранов, узкая полоска тёмного залива между крышами соседних домов, абсолютно тот же город, что и три часа назад, когда она шла на смену, думая о несостыковке в весовых данных одного траулера.

Расстояние между тем Морозовском и этим измерялось не часами, а чем-то другим, для чего у неё пока не было слова, и именно это отсутствие слова её немного беспокоило, поскольку она привыкла иметь слова для вещей, которые с ней происходили.

Потом она, по привычке сильнее любого потрясения, методично раскладывала по полочкам то, что знала, привычка, выработанная за годы работы с документами, где любой беспорядок в голове означал беспорядок в выводах, а любой беспорядок в выводах мог обернуться пропущенным нарушением.

Итак: в порту работает организованная схема контрабанды живых существ, причём схема, явно существующая не один год и пользующаяся чьим-то покровительством на уровне портовой администрации, иначе суда с подобным грузом просто не могли бы проходить досмотр без единой пометки в системе. Контейнер, который она сегодня вскрыла, не был первым и не был случайным; расхождение в весе, которое она заметила, скорее всего, было ошибкой, не принципиальной уязвимостью схемы, а чьей-то небрежностью при оформлении конкретной партии документов. Завтра, когда обнаружат вскрытую пломбу и пустой контейнер, начнут искать и эту ошибку, и того, кто её нашёл.

Последнее соображение она оставила напоследок, потому что оно требовало отдельного внимания: к утру ей нужна была версия для начальства, объясняющая вскрытую пломбу без упоминания того, что она в действительности обнаружила внутри.

На следующий день она пришла на смену раньше обычного и первым делом внесла в систему рапорт о повреждении пломбы на контейнере номер семь при разгрузке. Технически это означало ошибку при погрузке на траулере, и поскольку груз при вскрытии оказался в полном соответствии с декларацией, никаких оснований для задержания не было.

Это был маленький и вполне аккуратный документальный обман, и Ярина, оформляя его, отметила про себя с некоторым удивлением, как легко её пальцы вывели эти несколько строчек. Руки таможенника, привыкшие ловить подобные вещи в чужих бумагах, оказались вполне способны воспроизвести их в собственных, когда на то была причина.

Артём Бусыгин, замначальника порта, появился в терминале около десяти утра, что само по себе было нетипично для человека его должности, предпочитавшего проводить рабочее время в кабинете с видом на причалы, а не на досмотровой площадке.

Ярина знала Бусыгина по работе семь лет, начиная ещё с периода, когда он занимал должность на ранг ниже и когда её отец, по её смутному воспоминанию, один раз упомянул его мельком с тем нейтральным выражением, которым упоминают людей, не вызывающих ни симпатии, ни антипатии. За всё это время он не был ей ни приятен, ни неприятен, просто существовал как часть административного пейзажа порта, как форменный журнал входящих судов или как регламент проведения досмотров: необходимый элемент, не требующий отдельного отношения.

Теперь она смотрела на него иначе. Не то чтобы с подозрением, потому что подозрение требует доказательств, а с тем особым вниманием, которое бывает, когда знаешь, что нужно смотреть, но ещё не знаешь, что именно ищешь.

Он прошёл мимо её стойки.

— Доброе утро, Ярина, — бросил Бусыгин на ходу.

— Доброе утро, Артём Сергеевич.

— Ничего необычного за ночь?

Она подняла на него спокойный взгляд.

— Всё по графику. Один контейнер с повреждённой пломбой при разгрузке. Рапорт уже внесла.

Бусыгин задержал на ней взгляд всего на секунду.

— Хорошо. Продолжайте работать.

Он пошёл дальше.

Ярина смотрела ему вслед ещё несколько мгновений. Ни один из них не изменил темпа движения, и в этой обыденности обмена было что-то, что ей потребовалось несколько секунд, чтобы опознать: облегчение. Он ещё не знал, что она знает. Или хорошо делал вид.

Она добавила и этот вопрос в список тех, на которые у неё пока не было ответа, перевела взгляд обратно в документы и сделала мысленную пометку, которую позже бережно перенесёт в маленький бумажный блокнот, купленный этим же утром по дороге в порт. Блокнот, существование которого не отражалось ни в каких цифровых системах.

Вечером, когда смена закончилась и коллеги разошлись по домам, она снова пришла к старому складу, принеся еду, дежурный набор из ближайшего круглосуточного магазина, без особых раздумий над меню, потому что думать сейчас было нужно о другом.

Радим выглядел значительно лучше, чем накануне ночью: следы побоев на лице почти исчезли, движения стали увереннее, и тот прищуренный, оценивающий взгляд, с которым он встретил её появление, уже не содержал в себе немой расчёт соотношения сил между ними, скорее просто настороженность человека, у которого ещё нет достаточно оснований, чтобы расслабиться.

Она поставила пакет на ящик.

— Решила проверить, не умер ли ты с голоду.

Он посмотрел сначала на пакет, потом на неё.

— Если это попытка меня откормить, предупреждаю сразу: план слабый.

— Это попытка не дать тебе свалиться по дороге, если придётся бежать.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Вот теперь звучит разумнее.

Она рассказала ему о Бусыгине.

— Сегодня утром он сам пришёл в терминал. Без причины. Просто появился.

Радим молча выслушал.

— Значит, причина была, — сказал он наконец. — Такие люди редко ходят проверять контейнеры из любопытства.

— Думаешь, он связан со схемой?

— Не знаю. Но в таких делах всегда есть местный смотрящий. Тот, кто отвечает за участок. Следит, чтобы товар дошёл до следующего звена без потерь. Если Бусыгин занервничал после исчезновения контейнера, я бы начал именно с него.

Именно тогда Ярина достала блокнот и положила его на ящик между ними.

— Предлагаю перестать держать всё в голове.

Она раскрыла первую страницу.

— Начнём собирать всё, что знаем.

Это маленькое, почти символическое действие, общий блокнот, начатый пустым и ждущий первых записей, стало, пожалуй, настоящим моментом их сотрудничества, куда более весомым, чем вчерашнее молчаливое согласие в темноте склада.

Радим посмотрел сначала на блокнот, потом на неё.

— Бумага, — негромко сказал он. — Не телефон.

— Телефоны умеют болтать слишком много.

— Уже начинаешь мне нравиться, таможенница.

— Не привыкай.

— Даже не собирался.

Впрочем, в голосе его прозвучало куда меньше колючести, чем раньше.

Он немного подумал и начал говорить:

— Такие сети почти всегда строятся вокруг портов. Море лучший способ перевозить живой груз. Никто не пересчитывает каждую рыбу в трюме.

Ярина быстро записывала.

— Аукционы проходят в одном месте?

— Нет. Их переносят. Но используют одни и те же порты как перевалочные точки.

— Организатора кто-нибудь видел?

— Видели.

Она подняла голову.

— И?

— Никто не знает, что видел именно его.

Он усмехнулся.

— Верхушка цепочки не светится. Каждый знает только следующего человека. Если одно звено выпадет, остальные продолжают работать.

Ярина делала короткие пометки, время от времени задавая уточняющие вопросы, и думала о том, что ещё позавчера её самой главной рабочей задачей была проверка соответствия реального веса груза заявленному в декларации, а за сутки расстояние между тем миром и этим оказалось ровно в один контейнер.

Глава 5

Бар «Солёный ветер» находился в трёх кварталах от порта, в полуподвале старого портового доходного дома постройки начала прошлого века, чьи стены давно вобрали в себя столько морской сырости, что, казалось, потеют даже в морозы, и снаружи ничем не отличался от десятка подобных заведений, кормившихся со сменного расписания портовых рабочих: потемневшая деревянная вывеска, три ступеньки вниз, запах пива и жареного лука, слышимый ещё с улицы.

Ярина бывала здесь раза три-четыре за последние годы, на корпоративах сменного состава, которые традиционно заканчивались именно здесь, потому что хозяйка держала цены ниже, чем в любом другом месте поблизости, и никогда не торопила гостей по часам.

О хозяйке она знала немного: высокая, рыжеволосая женщина лет сорока на вид, из тех, чей возраст угадывается скорее по манере держаться, чем по лицу, всегда спокойная до такой степени, что это спокойствие само по себе казалось слегка неестественным. Не равнодушием, а чем-то более глубоким, похожим на полное отсутствие нужды в чужом одобрении. Звали её Велга, и на немой вопрос о происхождении имени она неизменно отвечала:

— Мать была из Карелии.

Никто никогда не уточнял, правда ли это.

Идея обратиться к Велге принадлежала Радиму, и Ярина, выслушав его объяснение, не сразу согласилась с тем, что это разумный шаг.

— Мы почти ничего не знаем, — сказала она, пока они шли к бару. — Идти к незнакомому человеку с историей про контрабанду... По-моему, это больше похоже на отчаянный жест, чем на план.

Радим вздохнул.

— Потому что ты оцениваешь её как человека.

— А как ещё?

— Никак. Велга давно перестала быть просто хозяйкой бара.

Он говорил терпеливо, словно переводил с одного языка на другой.

— Она нейтральна. Уже несколько десятилетий. Здесь могут сидеть за соседними столами те, кто в другом месте перегрыз бы друг другу глотки. Никто не устраивает разборок. Никто не нарушает её правила.

— Почему?

— Потому что тогда придётся иметь дело с Велгой.

Ярина бросила на него быстрый взгляд.

— И что в ней такого особенного?

Радим немного помолчал.

— Она вампир.

Ярина внутренне отметила, что слышит это слово уже без того острого укола нереальности, который испытала при слове «оборотень» двое суток назад, и не решила, хорошо это или плохо.

В тот вечер бар был заполнен примерно наполовину: портовые со второй смены у стойки, компания рыбаков за угловым столом, несколько одиночных посетителей с видом людей, пришедших не за обществом, а за тишиной определённого рода, той, которую даёт шумное место, где никто не обращает на тебя внимания.

Ярина вошла одна. Радим остался снаружи, его появление в публичном месте в нынешней ситуации было нежелательным по причинам, которые не требовали долгого объяснения.

Она подошла к стойке.

— Минеральную воду, пожалуйста.

— Без газа? С газом? — спокойно спросила Велга.

— Без.

Пока хозяйка ставила перед ней стакан, Ярина успела ещё раз внимательно её рассмотреть. Вблизи Велга производила то же впечатление безмятежной устойчивости, что и при редких предыдущих встречах, только теперь Ярина смотрела иначе и замечала детали, которые прежде не регистрировала: слишком ровную, почти мраморную кожу, движения без единого лишнего жеста и глаза, бледно-серые, почти бесцветные, в которых не было того животного блеска, что она видела у Радима, а было нечто другое, более старое и более спокойное.

Когда поблизости никого не осталось, Ярина тихо сказала:

— Мне нужна помощь.

Велга подняла взгляд.

— Слушаю.

— Я нашла в порту кое-что, чего там быть не должно.

— Такое случается чаще, чем хотелось бы.

— Человек, которого я нашла... сказал, что вы можете знать, кто в Морозовске торгует живым товаром.

Несколько секунд Велга молча смотрела на неё.

Потом совершенно тем же тоном, каким только что спрашивала соседа по стойке, не налить ли ему ещё пива, произнесла:

— Приходи после закрытия.

И сразу повернулась к следующему посетителю.

— Виктор, как обычно?

— Как обычно.

Настолько естественно разговор закончился, что Ярина не сразу поняла, что её уже отпустили.

Она допила воду, расплатилась, вышла на улицу и пересказала Радиму произошедшее почти дословно, стараясь не упустить интонацию. Она давно заметила, что интонация в подобных разговорах несёт не меньше информации, чем слова.

Он молча выслушал.

— Хороший знак, — сказал наконец.

— Правда?

— Она не отказала.

— И это уже хорошо?

— Для Велги? Очень хорошо. Если бы не хотела вмешиваться, ты бы уже стояла на улице через пять секунд.

Они ждали за углом, в тени портового пакгауза, и Ярина использовала это время на то, чтобы перечитать пометки в блокноте и выстроить список вопросов в порядке убывания важности, старая привычка, помогавшая ей не терять нить разговора.

Радим стоял рядом, прислонившись к стене, и она поймала себя на том, что краем зрения следит за тем, как он дышит, ровно, почти неслышно, совсем не так, как дышит человек, простоявший час на холодном ветру, и что это наблюдение не пугало её больше так, как должно было бы пугать ещё сутки назад, а просто фиксировалось как очередная деталь нового слоя реальности.

Она думала о том, что хороший наблюдатель отличается от плохого не скоростью реакции, а качеством внимания, умением замечать не только то, что выглядит важным, но и то, что выглядит обычным слишком намеренно.

Радим стоял у стены с видом человека, у которого нет никакой особой причины стоять здесь, и именно эта ненапряжённость была, по её нарастающему пониманию, одним из его

рабочих инструментов: способность занимать пространство так, чтобы пространство на него не реагировало.

Когда наконец из боковой двери бара показалась Велга, накинувшая поверх рабочей одежды короткое пальто и несущая в руках два бумажных стакана с чаем, жест, которого Ярина не ожидала, но который сразу немного переставил расстановку сил между ними, она поняла, что хозяйка бара решила этот разговор ещё тогда, когда ответила ей через стойку. Просто процедура требовала времени.

Велга подошла первой.

— Держи.

Она протянула Ярине один из стаканов.

— Спасибо.

Второй стакан Велга оставила у себя в руке.

Она посмотрела на Радима.

— Значит, слухи не соврали.

Он едва кивнул.

— Какие именно?

— Что ты исчез.

После короткой паузы она добавила:

— Рада видеть тебя живым.

Это прозвучало не как светская любезность, а как простая и точная констатация факта.

— Сам удивлён, — сухо ответил Радим.

Велга перевела взгляд на Ярину.

— Он рассказал тебе достаточно?

— Чтобы понять, что происходит нечто очень плохое.

— Тогда слушай внимательно.

Она говорила ровно, без обиняков:

— Да. В Морозовске уже несколько лет работает схема торговли живыми существами.

Ярина раскрыла блокнот.

— И никто ничего не делает?

Велга усмехнулась одними глазами.

— Делают.

— Что?

— Молчат.

Она чуть качнула головой.

— Потому что молчание хорошо оплачивается. А попытки вмешаться оплачиваются совсем по другому тарифу.

— Кто стоит за схемой?

— Если бы знала наверняка, сказала бы.

Она немного подумала.

— В портовой администрации есть человек, который всё прикрывает. Возможно, не один. Но имени я не назову.

— Потому что не уверены?

— Потому что догадки убивают ничуть не хуже фактов.

Ярина быстро записала несколько слов.

— А выше?

Велга посмотрела куда-то поверх их голов, будто проверяя, не подошёл ли кто-нибудь.

— Выше... не знаю.

Она впервые за весь разговор слегка помрачнела.

— И знаешь что? Не хочу знать.

— Почему?

Велга встретилась с Яриной взглядом.

— Потому что такое знание слишком дорого стоит.

Она произнесла последнюю фразу с той особой интонацией, которой говорят о вещах, известных не из рассуждений, а из собственного или очень близкого чужого опыта.

Радим внимательно посмотрел на неё.

— Ты кого-то потеряла?

Велга выдержала паузу. Потом спокойно ответила:

— Да.

И сразу закончила тему:

— Поэтому не задавай следующий вопрос. Всё равно не отвечу.

Глава 6

Обратно к складу они шли почти молча. Не тем молчанием неловкости, которое нужно заполнять словами, а тем, в котором оба обдумывают только что услышанное и знают, что другому нужно то же самое время.

Сведения, полученные от Велги, давали им направление, но не маршрут: знать, что схема существует и покрывается изнутри администрации, значило знать куда меньше, чем знать имена и доказательства, а именно имена и доказательства были тем, без чего любое следующее действие оставалось опасным и безадресным.

Ярина думала о Бусыгине: о том, как он появился в терминале утром, о нескольких мелких странностях в его рабочем поведении за последние месяцы, которые она прежде не складывала в систему, потому что не имела причины. Внеурочные появления на площадке в ночные смены, звонки, которые он принимал, выходя из помещения, хотя в их работе это не было принято, интерес к журналам движения судов, прямой необходимости в котором по его должности не было. Каждая из этих деталей в отдельности означала ничто. Сложенные вместе, они начинали составлять контур.

Вернувшись на склад, она первой нарушила молчание.

— Мне кажется, я всё это уже видела. Просто не понимала, на что смотрю.

Радим поднял голову.

— Рассказывай.

Она раскрыла блокнот.

— Бусыгин. Последние месяцы он постоянно появляется там, где ему делать нечего. Приходит ночью на площадку. Выходит разговаривать по телефону так, будто боится чужих ушей. Постоянно проверяет журналы движения судов, хотя этим должны заниматься другие.

Она перевернула страницу.

— По отдельности ерунда. Вместе... уже нет.

Радим не перебивал. Он ждал, пока она сама закончит складывать картину.

— И сегодня, — добавила Ярина, — он появился слишком быстро после истории с контейнером. Словно уже знал, что искать.

Радим задумчиво потер подбородок.

— Похоже на смотрящего.

— То есть?

— Не хозяин. Не организатор. Управляющий на месте.

Он говорил спокойно, будто разбирал устройство механизма.

— Такие люди не принимают больших решений. Они следят, чтобы всё работало. Деньги дошли. Груз дошёл. Никто лишнего не увидел.

— Значит, через него можно выйти выше?

— Можно.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Если он не поймёт, что мы идём по его следу.

На следующее утро Ярина пришла в порт с тем же лицом, с каким приходила последние шесть лет, и это давалось ей заметно легче, чем она ожидала, что само по себе было маленьким открытием о себе, не вполне приятным: оказалось, что у неё есть способность выглядеть обычно в необычных обстоятельствах, и что это умение живёт в ней независимо от её желания его использовать.

Она поздоровалась с коллегами.

— Доброе утро.

— Привет, Ярин.

— Кофе будешь?

— Уже иду.

Она проверила расписание досмотров, выпила кофе из автомата в коридоре. Привычки, образующие ритм рабочего дня, и именно в их привычности было что-то успокаивающее, не потому что они делали происходящее менее реальным, а потому что они напоминали ей: она та же, что и вчера, только с другим объёмом информации о мире, в котором работает.

День прошёл в рутине досмотров, оформлении документов и одном затяжном споре с представителем судовой компании по поводу маркировки опасного груза.

— У нас всё оформлено правильно, — раздражённо повторял представитель.

— Тогда почему код класса опасности не совпадает с декларацией?

— Это техническая ошибка.

— Технические ошибки становятся авариями. Переделывайте документы.

— Вы слишком придираетесь.

— Это моя должность.

Он недовольно забрал бумаги, а Ярина мысленно отметила, что ещё неделю назад именно такие разговоры были главным источником раздражения.

Весь этот день она краем внимания наблюдала за Бусыгиным, отмечала, когда он появлялся в зоне досмотра без особой необходимости, и фиксировала временные метки в своём бумажном блокноте мелким почерком, который со стороны выглядел как обычные рабочие пометки.

Около четырёх вечера замначальника порта задержался у стойки с журналами входящих судов дольше обычного.

Ярина проходила мимо с папкой актов досмотра.

— Артём Сергеевич.

— Да?

— Вам журнал нужен?

— Уже нашёл.

Она скользнула взглядом по раскрытой странице. Журнал за последние две недели. Открытый именно на записи того траулера, с которого был выгружен контейнер номер семь. Она не позволила себе задержать взгляд даже на секунду дольше необходимого и спокойно пошла дальше.

Она уже почти дошла до своего рабочего места, когда ощутила на себе взгляд. Не тревожный и не агрессивный. Просто тот особый взгляд человека, который оценивает, заметили ли вы что-то, что вам не следовало замечать.

Она не обернулась.

Продолжила идти с той же скоростью, опустила папку на стол и открыла её, глядя в документы с видом абсолютной поглощённости работой.

Внутри у неё в этот момент было совершенно спокойно. Не то спокойствие, которое бывает от уверенности в безопасности, а то, которое приходит, когда понимаешь, что выбор уже сделан и бояться стоит конкретных вещей, а не неопределённого предчувствия.

Бусыгин отошёл от стойки с журналами через несколько секунд. Она слышала его шаги за спиной. Ровные. Неторопливые. Мимо. В сторону административного крыла. Без остановки.

Но когда в конце смены она потянулась за курткой на крючке у входа, то обнаружила, что внутренний карман застёгнут не так, как она его оставила утром. Замок был закрыт, но повёрнут в другую сторону. Она замерла всего на мгновение.

Потом осторожно сунула руку внутрь. Телефон был на месте. Ключи тоже. Блокнот лежал там же. Ничего не исчезло. Но кто-то явно открывал карман. Рядом переодевался Сергей из соседней смены.

— Ты чего застыла?

Ярина застегнула куртку.

— Да молнию заело.

— Старую пора менять.

— Пожалуй.

Она вышла в ветреный вечер. Только оказавшись на улице, позволила себе медленно выдохнуть.

Этот маленький, почти незаметный след чужих пальцев в её вещах подействовал куда острее, чем все предыдущие умозаключения, потому что превратил Бусыгина из гипотезы в реальность, а её саму из наблюдателя в человека, за которым наблюдают в ответ.

Она достала телефон. Несколько секунд смотрела на экран. Потом набрала сообщение.

«Знает.»

Отправила. Через секунду удалила переписку.

И только тогда поняла, что с этого момента они работают уже не просто против схемы, а против человека, который, возможно, начал охоту первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.